

АНКАРСКИЙ ДОГОВОР 1921 ГОДА И СУДЬБА КИЛИКИЙСКИХ АРМЯН

Р. Г. СААКЯН

Заключение Анкарского договора 1921 г. между Турцией и Францией явилось логическим завершением ряда дипломатических акций подписавших его сторон, прежде всего Франции. Именно Франция, исходя из своих экономических, финансовых, религиозных, культурных и иных интересов в Турции, стала искать пути компромиссных соглашений с турками для ограждения этих интересов при разделе Османской империи. Не желая уступать своей союзнице по войне Англии в дележе ближневосточного наследства, французские монополистические и военные круги вели линию на закрепление своих позиций на Ближнем Востоке, в первую очередь в Сирии, которая в планах колониальных кругов занимала гораздо более важное место, нежели Киликия, оккупированная французами в ноябре 1919 г. И не случайно, что Франция первой из держав Антанты вошла в дипломатические контакты с реальными властителями рухнувшей Османской империи—кемалистами, направив к М. Кемалю своего представителя—«верховного комиссара французского правительства в Сирии и Армении» Франсуа Жоржа-Пико. Следующим шагом французской дипломатии в направлении будущего договора было перемирие, подписанное представителем Верховного комиссариата Франции в Бейруте Робером де Кэ 30 мая 1920 г., сроком на 20 дней.

Следует сказать, что уже тогда заключенное с М. Кемалем перемирие вызвало беспокойство, тревогу и разочарование у населения Киликии. «Обнародование перемирия,—писал участник событий П. Редан,—вызвало полный перелом настроения у населения Киликии»¹. Но это беспокойство, особенно христиан, ничуть не волновало влиятельные круги Франции, которые, не успев подписать Севрский договор, стали выступать с требованием его пересмотра в сторону смягчения условий для турок. Рупором этих кругов была газета «Тан», отражавшая мнение МИД Франции. Она не переставала призывать к аннулированию этого договора. При этом не упускался из виду антисоветский аспект такой позиции Франции. «Необходимо,—писала «Тан»,—чтобы Анатолия перестала подвергаться большевизации, а это станет возможным только после пересмотра Севрского договора»².

Стремление французов к сепаратной сделке с кемалистами нашло отражение на Лондонской конференции 1921 г. 9 марта французский премьер и министр иностранных дел Аристид Брианн и министр иностранных дел анкарского правительства Бекир Сами-бей подписали соглашение, по которому Франция эвакуировала Киликию, получая взамен этого приоритет на приобретение концессий как в самой Киликии, так и в вилайетах Харберда, Сиваса и Диярбекира, а также концессию на медные рудники в Аргана Маден³. Хотя Лондонское соглашение было аннулировано Великим националь-

¹ P. Redan. La Cilicie et le problème ottoman. Préface par Rene Pinon. Paris—1921, p. 101.

² Le Temps. 24.01.1921.

³ Полный текст соглашения с приложениями см. Ю. В. Ключников, А. В. Сабанин. Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях. Ч. III, вып. 2. М., 1929, с. 82—84; M. Paillagès. Le kémalisme devant les Alliés. Constantinople—Paris, 1922, p. 348—352.

ным собранием Турции 3 мая, прав был Ю. В. Ключников, когда писал, что «это обстоятельство отнюдь не лишало его солидной доли политического значения»⁴.

«Париж не отказывался договариваться с Ангорой. Франклен-Буйон, личный друг Мустафы Кемалья, возобновил контакты и приступил к переговорам»,—отмечает военный историк генерал дю Э⁵. Действительно, франко-турецкие дипломатические контакты вскоре возобновились. В начале июня 1921 г. в Турцию был направлен «неофициально» председатель Сенатской комиссии по иностранным делам Анри Франклен-Буйон, который до прибытия в Анкару послал туда из Инеболу 7 июня телеграмму. В ней он заверял анкарские круги, что пробным камнем французской политики на Востоке было поддержание дружественных отношений с Турцией и что отклонение франко-турецкого соглашения от 9 марта 1921 г. не должно привести к срыву переговоров⁶. Прибыв в Анкару 9 июня 1921 г., Франклен-Буйон в тот же день вступил в переговоры с М. Кемалем⁷. С турецкой стороны в переговорах принимали участие комиссар по иностранным делам Юсуф Кемаль-бей и начальник генерального штаба вооруженных сил Февзи-паша, с французской—подполковник Сарру из генштаба оккупационной армии в Константинополе. С самого же начала обмена мнениями между Франклен-Буйоном и Кемалем позиция последнего была совершенно ясной и четкой, замечает французский историк Жан-Поль Гарнье⁸. «Я не хочу, чтобы Севрский договор был даже упомянут. С нашей точки зрения такого договора не существует»,—заявил Кемаль, предложив принять за основу Национальный обет (пакт). Французский дипломат вначале отверг этот принцип, аргументировав тем, что на Лондонской конференции делегаты анкарского правительства ничего не сообщили о существовании этого документа, поэтому смысл и характер его не известны Европе. Франклен-Буйон предлагал положить в основу переговоров Севрский договор «как совершившийся факт»⁹. М. Кемаль на это ответил, что Бекир Сами-бей превысил свои полномочия, если он скрыл существование Национального обета¹⁰. Столкнувшись с решительным возражением собеседника, Франклен-Буйон попросил временно прервать переговоры для изучения содержания Национального обета¹¹.

Этот промежуток был им использован для поездки по городам Киликии, а также посещения Александретты—визитов, которые вызвали беспокойство как среди мусульман, так и среди христиан¹². Ознакомление с положением дел в Киликии, а

⁴ Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. Полный перевод с французского текста под ред. проф. Ю. В. Ключникова и проф. А. В. Сабанина. М., 1927, с. XX.

⁵ Général du Haye. Les Armées françaises au Levant. T. 2. Château de Vincennes, 1979, p. 20. Заслуживает внимания характеристика, данная Франклен-Буйону С. Сошолом: «Бриан выбрал своим представителем Франклен-Буйона, сенатора-туркофила и бывшего председателя комиссии по иностранным делам, который верил в важность поддержания дружбы с Турцией как противовеса и барьера против большевистской угрозы».—Sala hi Ramsdan Sopye l. Turkish Foreign Policy 1918—1923. Mustafa Kemal and the Turkish National Movement. London—Beverly Hills, 1975, p. 135—136.

⁶ См. A. S. Ahmedov. Les accords franco-turcs de 1921.—Etudes Balkaniques. 1982, № 1, p. 74.

⁷ Atatürk. Commission National turque pour l'UNESCO. Ankara, 1963, p. 117.

⁸ Jean-Paul Garnier. La fin de l'Empire Ottoman. Du Sultan Rouge a Moustafa Kemal. Paris, 1973, p. 260.

⁹ Atatürk..., p. 117.

¹⁰ М. Кемаль. Путь новой Турции. Т. IV. М., 1934, с. 43.

¹¹ Там же, с. 44.

¹² Paul du Vèou. La passion de la Cilicie 1919—1922. Nouvelle édition revue. Paris, 1954, p. 303.

также «изучение» Национального пакта не привело, однако, к полной договоренности с кемалистами, ибо последние продолжали настаивать на безоговорочной отмене капитуляции и других неравноправных соглашений. Французы не хотели идти на это, несмотря на то, что Франклен-Буйон «понял устремления турецкой нации...»¹³ Французский дипломат не достиг успеха и в другой своей миссии—разжигании антисоветских настроений анкарских кругов, хотя в этот период советско-турецкие отношения были довольно напряженными из-за позиции, занятой турками в вопросе заключения договора с закавказскими советскими республиками. В ходе переговоров с М. Кемалем Франклен-Буйон предлагал последнему поддержку Франции «в деле восстановления бывших закавказских правительств»¹⁴. М. Кемаль на это не пошел, но все же 20 июня 1921 г. было подписано временное соглашение о немедленном прекращении военных действий на юге¹⁵.

Итак, первый визит Франклен-Буйона не завершился подписанием договора, но вплотную приблизил подписание мира между Францией и Турцией. Окончательная договоренность не была достигнута из-за зависимости Франции от своей соперницы Англии в европейских делах. Другой причиной явилось стремление французов проверить действительную силу кемалистов в войне против греков, которые в это время готовились к решительному наступлению. 13 сентября 1921 г., после трехнедельных боев, турецким войскам удалось приостановить греческую армию, а через неделю Франклен-Буйон снова оказался в Турции. Переговоры с Юсуф Кемаль-беем и другими представителями кемалистов начались 24 сентября. И на этот раз Франклен-Буйон столкнулся с решительной позицией Анкары в вопросах иностранных зон влияния, создании смешанной жандармерии в Киликии и, особенно, капитуляции. На одной из встреч он спросил у Юсуфа Кемалья: «Неужели турки думают, что они смогут отменить все капитуляции?» Последний ответил, что «Великое национальное собрание никогда не позволит туркам сложить оружие до тех пор, пока капитуляции не будут упразднены»¹⁶. Разногласия возникли и в вопросе национальных меньшинств, однако и здесь, как отмечает Соннел, кризис вскоре пришел к концу, т. е. Франклен-Буйон, получив инструкции из Парижа, согласился со статьями Национального пакта¹⁷.

20 октября в два часа ночи франко-турецкий договор был подписан, а уже в 5 часов утра французский дипломат покинул Анкару. 25 октября он появился в Париже с договором в руках. Такая поспешность в оформлении договора объяснялась тем, что премьер-министр Бриан хотел использовать «разрешение» киликийской проблемы для получения вотума доверия в парламенте перед своей поездкой на Вашингтонскую конференцию. Следует также отметить, что французское правительство во всех своих переговорах с представителями Анкары при рассмотрении вопроса о Киликии исходило из своих интересов в Сирии, стремясь скорее покончить с «дорогостоящей экспедицией» в Киликии, чтобы создать надежные границы для Сирии. И характерно, что при обсуждении этого вопроса в палате депутатов, в тот самый день, когда Франклен-Буйон втайне от депутатов подписывал договор с кемалистами, Бриан, отражая нападки ряда депутатов, выражал удовлетворение правительства тем, что вражда прекращена и больше не будет проливаться кровь французских солдат¹⁸.

Франко-турецкий договор, известный в литературе как Анкарское соглашение или как договор Франклен-Буйона, в опубликованном тексте содержал 13 статей, из

¹³ Tarih, cilt IV. Türkiye Cumhuriyeti. Istanbul, 1934, s. 105.

¹⁴ ЦГАОР Азерб. ССР, ф. 28, оп. 1, ед. хр. 68, л. 21.

¹⁵ La guerre de l'indépendance turque. Publiée par la Direction Générale de la presse au Ministère de l'Intérieur. Ankara, 1937, p. 60.

¹⁶ S. R. Sonnel. Op. cit., p. 136—137.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Annales de la Chambre des Députés. 1921. Session ordinaire de 1921. Tome unique. Première partie. Paris, 1922, p. 57.

которых для Франции и Турции принципиальное значение имели статьи 1, 3, 4, 6, 7 и 10-я; остальные касались менее важных вопросов¹⁹. Статья 1-я о немедленном прекращении военных действий и статьи 3 и 4 об уходе французских войск, по сути дела, возвещали о военной победе турок и, разумеется, имели гораздо большее значение для Турции, получившей возможность перебросить свои войска на западный фронт для борьбы против греков. Кроме того, весь экономический потенциал Киликии отныне мог быть использован анкарским правительством для военных целей. Таким образом, за счет южного фронта намного усиливался западный фронт. Помимо этого, важное значение имело и то обстоятельство, что для получения оружия кемалисты могли пользоваться Мерсинским портом и железной дорогой. Турецкий историк Акшин отмечает в этой связи, что «одной из выгод, получаемых от этого договора, явилось то, что с точки зрения добычи оружия и боеприпасов мы уже не были связаны только с русскими, а могли получать подобную помощь также с юга»²⁰. Последующие события показали, что отвоевание у французов Киликии имело существенное значение для побед, одержанных кемалистскими войсками в течение 1922 г.

Статья 6 о «защите» проживающих в Турции национальных меньшинств ознаменовала собой явный успех анкарского правительства, ибо вместо конкретного признания прав меньшинств вопрос подменялся тем «торжественным» и ни к чему не обязывающим определением, которое содержалось в Национальном обете. Уступка Франции в этом вопросе усугублялась тем, что в отличие от Лондонского соглашения от 9 марта 1921 г., по которому турецкое правительство обязывалось обезоружить все население Киликии, в Анкарском договоре такой пункт вовсе отсутствовал. Это означало, что вооруженные с головы до ног турецкие чета и банды, созданные с целью грабежа и убийства христиан, отныне могли беспрепятственно продолжать свое дело. Далее, эвакуация Киликии, раньше обставленная рядом условий, теперь должна была производиться без каких-либо гарантий со стороны Турции. И еще: в муниципальном управлении тех областей, где имелось смешанное население, раньше должны были участвовать представители различных национальностей; этого уже не было в Анкарском договоре.

Статья 7 договора об «особом административном режиме» Александреттского санджака в сущности также являлась большой уступкой, которую делала Франция Турции за счет сирийского народа. Упомянутая статья впоследствии послужила поводом для анкарских правящих кругов вынести вопрос об Александреттском санджаке на арену международной дипломатии и путем империалистического сговора присоединить его к Турции.

Что касается статьи 10 о предоставлении концессий французским капиталистам, то здесь, конечно, кемалистское правительство принципиально отклонялось от своей прежней позиции и делало уступку империалистам, уступку, которая, однако, была менее значительной, чем получаемые выгоды.

Важнейшее значение с точки зрения колониальной политики Франции в будущем имело достижение согласия с кемалистами и отказа борьбы с ними. Признание анкарского правительства Францией было встречено с энтузиазмом в мусульманском мире, особенно в колониальных владениях Франции. «Наконец-то,—отмечал парижский еженедельник «L'Europe Nouvelle»,—имя Франции приобретает новый блеск не только на Ближнем Востоке, но и во всех тех мусульманских странах, где, несмотря на ошибки и неудачи Турции, постоянно царит авторитет халифата... Мы можем надеяться снова занять в глазах мусульманского мира то законное место, которое,

¹⁹ Полный текст договора и ноту Юсуф Кемаль-бея см.: Ю. В. Ключников, А. В. Сабанин. Международная политика... Ч. III, вып. 2, с. 115—116; L'Europe Nouvelle, № 45, 5 novembre 1921, p. 1436—1437.

²⁰ Abdülahat Akşin. Atatürkün dış politika ilkeleri ve diplomasisi, Birinci kısım. İstanbul, 1964, s. 102.

увы, было потеряно за несколько лет до войны отчасти из-за германских интриг, а также по причине нашей собственной беспечности»²¹.

Анкарский договор, кроме опубликованного текста, имел также секретные условия. Согласно этим условиям, Франция должна была продать Турции оружие и боеприпасы на общую сумму 200 млн. франков, в том числе 10 тыс. комплектов обмундирования, 8 тыс. маузеров, 5 тыс. лошадей, 12 самолетов, а также пушки типа «Creusot»²². Эти секретные статьи Анкарского соглашения, как и весь договор в целом, были направлены Францией против своего могущественного ближневосточного соперника—Англии. Они были призваны расширить французские позиции в регионе и восстановить довоенное положение Франции. Поэтому неудивительно, что подписание франко-турецкого договора имело в Англии впечатление разорвавшейся бомбы, хотя английская дипломатия после двух поездок Франклен-Буйона в Турцию убедилась в том, что Франция делает новые попытки сепаратного соглашения с кемалистами²³.

Английская печать обрушилась на Францию с обвинениями в вероломстве, нарушении союзнических обязательств, подрыве авторитета Великобритании и т. д. «Франция бросила вызов союзникам,—писала «Дейли кроникл».—Одно из двух: или мы являемся союзниками, или таковыми не являемся. Анкарский договор показывает, что мы не являемся союзниками»²⁴. «Франко-ангорский договор,—добавлял дипломатический корреспондент газеты «Обсервер»,—является не только насмешкой над межсоюзнической солидарностью, но и коренным образом нарушает некоторые основные принципы союзников. Так, например, анкарское правительство окончательно признано Францией как единственная исполнительная власть в Турции...»²⁵ А известный политический обозреватель Джордж Глазго находил, что более важен вопрос о том, продолжает ли Антанта существовать, или же она распущена сепаратными шагами Франции. «Если Франция отвергает дух сотрудничества и действует одна,—вопросил автор статьи,—должна ли Великобритания следовать ее примеру, и если да, то что же останется тогда от Антанты?»²⁶ И лишь консервативная «Таймс» с сожалением признавала, что «французы первыми правильно поняли создавшееся в Малой Азии положение», выражая в то же время досаду по поводу того, что одновременно с франко-турецким соглашением не был заключен общий мирный договор²⁷.

Вслед за неофициальными протестами английских газет последовали дипломатические демарши Форин оффиса, с трудом скрывающие недовольство «союзницей» Францией. Подписание договора «внушило чувство удивления и страха Керзону»²⁸, который незамедлительно потребовал объяснений.

Из опубликованных английских документов становится очевидным, что британское правительство фактически получило подтверждение о подписании договора уже 21 октября. Английский посол в Париже Гардинг сообщил Керзону, что Бриан на встрече с послом пытался умалить значение сепаратных шагов Франции, сказав, что первые предложения относительно границ Сирии и выдачи французских военнопленных были отвергнуты анкарским парламентом. Из полученной от Франклен-Буйона информации, отметил Бриан, стало известно о том, что Мустафа Кемаль озабочен заключением соглашения с Францией и решил оказать нажим на Великое национальное собрание, поставив вопрос о доверии. И уже в конце беседы Бриан признал, что согласно последней информации, полученной правительством, ВНСТ дало

²¹ L'Europe Nouvelle. № 44, 29 octobre 1921.

²² Le Temps. 7.01.1922; Journal des Debats. 24.01.1922.

²³ Г. Армстронг отмечал, что «Франция направила в Ангору тайных посланцев с обещаниями предоставления помощи»—H. C. Armstrong. Grey Wolf. Mustafa Kemal. An intimate study of dictator. London, 1938, p. 143—144.

²⁴ Цит. по газ. «Արձագանք Փարիզի». 10.11.1921, № 15.

²⁵ Цит. по ЦГАОР СССР, ф. 391, оп. 2, ед. хр. 76, л. 449.

²⁶ Цит. по: L'Europe Nouvelle. № 48, 26 novembre 1921, p. 1523.

²⁷ Цит. по ЦГАОР СССР, ф. 391, оп. 2, ед. хр. 76, л. 441.

²⁸ Lord Kinross. Ataturk. The rebirth of a Nation. London, 1965, p. 286.

свое согласие и договор будет подписан «сегодня или завтра», т. е. 21 или 22 октября²⁹.

Подтверждение о заключении договора в Анкаре поступило также от агента кемалистов в Стамбуле Гамид-бея, сообщившего английскому послу Рамбольду, что «Франция хочет эвакуировать Киликию в течение нескольких недель после того, как соглашение будет одобрено французским правительством»³⁰. Из этой встречи выяснилось, что А. Франклен-Буйон 22 октября прибыл в Стамбул и в тот же день отправился в Париж с тем, чтобы повидать Бриана до отъезда последнего в Вашингтон³¹.

Дальнейшим шагом Керзона было требование представить полный текст договора. 29 октября Кэ д'Орсэ передало английскому посланнику в Париже Читэму ноту с приложением текста Анкарского договора и письма Юсуф Кемаль-бея³².

Изучив оба документа, Керзон пригласил к себе 3 ноября французского посла Сент-Олера для получения «разъяснений». Никакие разъяснения, однако, не были даны французским послом, кроме того, что «соглашение, подписанное Франклен-Буйоном, носит чисто локальный характер» и что доказательством этого служит факт отсутствия вопросов об Измире, Фракии и заключении окончательного мира на переговорах с представителями анкарского правительства³³. Керзон сказал послу, что все возражения британского правительства изложены в специальном меморандуме, который будет передан французскому правительству в ближайшее время. А пока Керзон хотел бы устно информировать посла о содержании английского меморандума, которое сводится к следующему: 1) Анкарское соглашение является сепаратным миром, оно противоречит заключенному в ноябре 1915 г. Лондонскому пакту, который запрещал союзникам подписание сепаратных договоров. 2) Сепаратные соглашения несовместимы с деятельностью Антанты. 3) Анкарское соглашение ослабляет авторитет Франции в деле совместного урегулирования союзниками вопросов, касающихся Востока. 4) Меньшинства лишаются покровительства, несмотря на наличие предоставленного Франции мандата. 5) Указанный в статье 3 отход французских войск в течение двухмесячного срока противоречит соглашению, заключенному между Англией, Францией и Италией в Париже 10 августа 1920 г. 6) Согласно договору от 20 октября 1921 г. железная дорога проходит по турецкой территории, тем самым она лишается той безопасности, которая была обеспечена, когда находилась полностью во французской зоне. 7) Экономические концессии противоречат тройственному соглашению. 8) Письмо Юсуф Кемаль-бея требует ответа³⁴.

Как видим, в представленных британским правительством официальных возражениях акцент ставился на нарушении Францией своих союзнических и договорных обязательств. На самом же деле под этими растяжимыми формулировками скрывалось беспокойство Англии тем влиянием, которое Франция могла приобрести как на Ближнем Востоке, так и во всем мусульманском мире, опередив ее в «умиротворении» Ближнего Востока. «Если франко-турецкое соглашение причинило такое беспокойство Англии,—писал С. Касьян,—побудило правительство Ллойд-Джорджа представить Бриану две решительные ноты, дало повод английской прессе поднять шум, то причиной тому является не только то, что ее *материальные ин-*

²⁹ Documents on British Foreign Policy 1919—1939. First Series. Ed. by E. L. Woodward and Cohen Butler. Vol. 17. London, 1970, № 447, p. 444—445 (Гардинг Керзону, 21 октября 1921 г.).

³⁰ Там же, № 422, с. 449—450 (Рамбольд Керзону, 25 октября 1921 г.).

³¹ Там же, с. 450.

³² Там же, № 423, с. 451 (Гардинг Керзону, 27 октября 1921 г.).

³³ Там же, № 432, с. 465 (Керзон Гардингу, 3 ноября 1921 г.).

³⁴ L'Asie française. Novembre 1921, p. 439; Documents..., Vol. 17, № 432, p. 461—466 (Керзон Гардингу, 3 ноября 1921 г.).

тересы на турецкой территории ущемляются, но и то, что, теряя свое «моральное» влияние в Турции, она может потерять ее и в других мусульманских колониях...»³⁵

Вопрос о защите национальных меньшинств Турции, который английская дипломатия и пресса выставляли столь остро, был выдвинут ими не для покровительства христианскому населению, а с целью дискредитации Франции, ее неустойчивой и вероломной политики. Какой ответ противопоставила французская дипломатия английским протестам и обвинениям?

Следует сказать, что Кэ д'Орсэ и французское посольство в Лондоне некоторое время хранили абсолютное молчание, не выступив с официальным заявлением и предоставив французской прессе самой «обосновать» необходимость заключения Анкарского договора. А французская печать в своем подавляющем большинстве встретила подписание франко-турецкого договора аплодисментами, возвеличивая Бриана «за замечательный дипломатический успех». Рупор французского МИД газета «Тан» расценила договор как «благодеяние для всего мира»³⁶. «Она (французская печать,—Р. С.) забыла неслыханные злодеяния младотурок,—писал редактор газеты «Босфор» Пайарес.—Она забыла Мараш, Урфу, Айнтаб, Сис, Хаджин... забыла все, чтобы вспомнить лишь о тех осязях традиционной дружбы, которые соединяют Францию с Турцией»³⁷.

Вместе с тем ряд органов печати видел основное значение договора в поднятии авторитета Франции в мире ислама. Еженедельник «L'Europe Nouvelle» поместил статью Поля Брюзона, озаглавленную «Ангорский вопрос и мусульманское общественное мнение», в которой автор, полемизируя с английскими журналистами, категорически заявлял, что только Франция правомочна решать, соответствует ли тот или иной шаг ее интересам. Анкарский договор выгоден ей потому, что «Франция является великой мусульманской державой»,—заключал автор³⁸, имея в виду ее мусульманские владения.

Что же касается реакции официальных французских кругов, то, как было отмечено, первое время французская сторона хранила молчание. 27 октября Сенат стал обсуждать подписанный Франклен-Буйоном договор. Выступив с разъяснениями, Бриан подчеркнул необходимость договоренности с турками и заключения с ними локального соглашения «после того, как стало очевидным, что на Востоке невозможно установить всеобщий мир». «Мы встретили в Турции горячую симпатию к Франции,—заявил Бриан.—Встретили бурное желание исправить ошибку и вернуться к старым традициям»³⁹.

Несколько членов Сената выступили с возражениями, обвинив правительство в отклонении от Лондонского соглашения от 9 марта 1921 г. Сенаторы Муте, Лямарзель и Флаиден остро критиковали Анкарское соглашение за то, что в нем вовсе не обеспечены права христиан. Последний оратор напомнил «о мученичестве армян в годы войны», об услуге, оказанной ими делу союзников «темп, которые находились под французским флагом или сражались в русских армиях...» Напомнив Сенату об обещаниях, данных президентом Пуанкаре в феврале 1919 г., Флаиден критиковал Бриана за то, что ни одно из этих обещаний не нашло отражения в Анкарском договоре. Они были подменены обычными посулами кемалистского правительства защитить интересы меньшинств, признанные в Национальном обете. «В подобных условиях,—заключал он,—это расплывчатое пустословие не может успокоить населения Киликии»⁴⁰.

³⁵ Ս ա ռ գ ի ո Վ ի յ յ ա ն. Ը ն տ ի Ր Եր հ Եր. Եր հ ա ն, 1967, էջ 154:

³⁶ Цит. по: М. Paillagès. Le Kémalisme..., p. 364.

³⁷ Там же.

³⁸ L'Europe Nouvelle. № 49, 3 décembre 1921, p. 1558.

³⁹ L'Asie Française. Décembre 1921, № 197, p. 482.

⁴⁰ L'Asie Française. Février 1922, № 169, p. 71—74.

Этой критике Бриан противопоставил «государственные интересы страны», т. е. необходимость положить конец вражде, указав в то же время на невозможность содержания в Киликии 100-тысячной французской армии. Это было сказано между прочим. Об основных же побудительных причинах, заставивших ускорить подписание договора с кемалистами, Бриан признавался во второй части своего ответа: «С другой стороны, Анкарское соглашение позволило Франции мирно осуществлять свой мандат на Сирию и обеспечить себе моральную выгоду во всем мусульманском мире»⁴¹. Таким образом, Бриан в парламенте повторял то, что французская пресса выделяла сразу же после подписания договора, а именно, две наиболее важные причины договоренности с кемалистами и обе—колониалистского характера: 1) сконцентрировать все внимание на Сирии для упрочения позиций Франции в этой стране; 2) восстановить престиж и морально-политическое положение Франции в ее мусульманских владениях.

За этим последовал обмен нотами между правительствами двух союзных держав. 18 ноября 1921 г. французский поверенный в делах де Монтиль передал Форин оффису ноту, в которой содержался ответ на меморандум Керзона от 5 ноября. В этой ответной ноте французская сторона акцентировала внимание на двух пунктах английских возражений: вопросе о христианских меньшинствах и вопросе о продаже кемалистам оружия. По первому вопросу в ноте была выражена уверенность, что Анкарский договор обеспечивает безопасность христианского населения Киликии, второму же—начисто отрицалось согласие французов продать кемалистам оружие и военное снаряжение. В качестве доказательства приводилась телеграфная инструкция, данная Брианом генералу Гуро относительно установления строгого контроля за тем, чтобы при эвакуации французских войск оружие и амуниция прямо или косвенно не перешли в руки кемалистов⁴². Спустя четыре дня, 22 ноября поступила другая нота: Гардингу был передан ответ французского правительства на британскую ноту от 17 ноября относительно принятия мер «для обеспечения безопасности армян и других» после ухода французских войск. В этом ответе, «тон которого имел язвительный характер», повторялись обычные заверения со ссылкой на гарантии, данные анкарским правительством. «...Французское правительство,—говорилось далее,—сделает все, что в его власти, для обеспечения сохранения мира в Киликии, если его усилиям не будет противодействовать вредное вмешательство извне»⁴³.

«Французское правительство давало знать,—писала по этому поводу газета «Стамбул»,—что оно в вопросах меньшинств добилось гарантий, в то время как союзники по сегодняшний день не смогли получить никаких гарантий...»⁴⁴ Отклики на Анкарское соглашение во Франции хотелось бы завершить весьма характерным признанием его «автора» Франклен-Буйона в феврале 1922 г. Оно примечательно тем, что «герой Ангоры» (как его называли газеты) раскрывал все те выгоды и преимущества, которые Франция извлекла из этого договора либо собиралась получить в будущем. Подчеркнув, что Анкарский договор дает возможность Франции восстановить мир на границах Сирии и свою традиционную политику в Турции, он добавлял к этому: «Франция оказала всем своим союзникам такую услугу, ценность которой будет проявляться каждый последующий день». А эта «услуга» заключалась в том, что Франция устами Франклен-Буйона заявляла, что она может взять на себя миссию посредника «между Англией и Турцией, которая готова на всяческие жертвы для обеспечения своей независимости». «Франция выполняет свои обязанности лояльного

⁴¹ Там же, с. 74.

⁴² Documents... Vol. 17, № 447, p. 480—482 (запись беседы Кроува с французским поверенным в делах).

⁴³ Там же, № 455, с. 492—493 (Гардинг Керзону, 22 ноября 1921 г.).

⁴⁴ Stamboul. 19.11.1921, № 275.

союзника путем справедливого урегулирования своих частных интересов, подготавливая то всеобщее соглашение, которое завтра всем принесет выгоду...»⁴⁵

Теперь посмотрим, как был принят Анкарский договор в турецких кругах. Турецкая печать (как стамбульская, так и кемалистская) встретила заключение договора «с огромным удовлетворением». Подавляющая часть газет разных направлений оценила франко-турецкий договор как большую политическую победу анкарского правительства. Выходящая в Стамбуле влиятельная газета «Тевхиди эфкяр» писала: «Этот успех поистине достоин считаться совершенной дипломатической победой, которая еще более важна, чем та, что мы одержали над эллинами на берегах Сакарни три-четыре недели тому назад»⁴⁶. Известный журналист Юнус Надир в передовой статье газеты «Ени Гюн» от 29 ноября 1921 г. подчеркивал то обстоятельство, что турецко-французское соглашение вызвало переполох в английских руководящих кругах и подтвердило тем самым, что Турция поступила правильно, заключив соглашение с Францией. «Франция в настоящее время освобождает занятые ею наши земли и, таким образом, помогает нам поднять силу нашей сопротивляемости»,—заклучал автор. Более детально турецкая печать обсуждала 6-ю статью договора относительно прав национальных меньшинств. Громкие рассуждения турецких журналистов и политических комментаторов по этому вопросу звучали как бы предупреждением проживающим в стране инонациональным элементам, давая им знать, что никакой уступки не может быть, что будет продолжаться национальная политика прежних правительств. «Вопроса прав меньшинств не существует»,—возвещала газета «Вақыт»⁴⁷. «В Анатолии существует только одна нация—турецкая нация»,—категорически заявлял офицер кемалистов «Хакимнети миллие» в номере от 8 ноября 1921 г.

А газета «Илери» (от 11 ноября 1921 г.) разъясняла своим читателям, почему никакая уступка не может быть сделана национальным меньшинствам: «Анкарский договор сам по себе является огромной заслугой в деле обеспечения интересов христианских меньшинств на Востоке»⁴⁸. Таким образом, согласно мнению анкарского офицера, кемалистскому правительству больше нечего было делать в вопросе прав национальных меньшинств, так как оно свое отношение высказало в самом тексте договора. Это свое мнение газета подкрепила новыми моментами. Так, в номере от 28 ноября того же года она добавляла: «Мы склонны уважать права национальных и религиозных меньшинств нашей страны и забыть те преступления, которые были совершены в ходе мировой войны и нынешних военных действий в Анатолии. Турки не являются мстительной нацией»⁴⁹ (курсив мой,—Р. С.). Итак, призывалось забыть не насилия, совершенные над армянами, ассирийцами, греками, сирийцами, езидами, халдеями и другими народами в период мировой войны и на заре кемалистского движения, забыть не массовые депортации, погромы и геноцид, а «преступления» этих народов. После подобного искажения исторической действительности названные газеты призывали их не покидать своих жилищ, оставаться на месте. Однако об этом позже. Приведем сперва мнения турецких руководящих деятелей, а также оценки, данные официальной историографией.

Мустафа Кемаль, который вначале вел переговоры с Франклен-Буйоном лично, важнейшее значение Анкарского договора видел в том, что «национальные стремления (Турции,—Р. С.) впервые признавались и оформлялись в договоре, заключенном с западной державой»; другим достижением, по его мнению, было то, что «чрезвычайно важные районы нашей родины освобождались от оккупации, ни в коей мере не

⁴⁵ „Le Réveil“. 12.02.1922, № 61.

⁴⁶ Цит. по газ. «Ժողովուրդի ձայն». 13.26.10.1921, № 927.

⁴⁷ Цит. по газ. „Le Réveil“. 21.11.1921, № 48.

⁴⁸ Цит. по ЦГАОР Азерб. ССР, ф. 6, оп. I, д. 230, л. 191.

⁴⁹ Цит. по: E. Nicol. Les Alliés et la crise orientale. Paris, 1922, p. 71.

жертвующей нашей политической, экономической, военной или какой-либо иной независимостью»⁵⁰. Эта оценка почти без изменений повторена в официальной истории Турции «Тарихе»⁵¹, а в вышедшей в 1963 г. биографии Ататюрка подчеркивается, что «Анкарское соглашение было величайшей победой, которую одержал Гази Мустафа Кемаль»⁵².

Повторяя эту общую оценку Кемалю, турецкие политические деятели прилагали большие усилия к тому, чтобы представить статью 6 договора, посвященную национальным меньшинствам, как великодушный шаг кемалистов. Бывший иттихадист, член Великого национального собрания Ахмет Рустем-бей выступил со статьей «Мир на Востоке и франко-турецкое соглашение» в парижском журнале «Orient et Occident». Статья 6, комментировал он, «имеет своей целью сказать, что немусульманские общины империи уже наделены политическим и гражданским равенством,—задача, которую Антанта с таким упорством пытается разрешить» (курсив мой,—P. C.). «Значит,—продолжал автор,—весь вопрос заключается в утверждении их прав на той основе, которая оговорена для меньшинств других стран»⁵³. «Проблема гарантии прав меньшинств Анатолии меньше всего заботит нас»,—как бы резюмировал этот вопрос бывший член оттоманского парламента Эбузиадэ Велиф-бей в газете «Тевхиди эфкяр» от 24 февраля 1922 г.⁵⁴

Анкарские круги воспользовались заключением франко-турецкого соглашения, чтобы вообще исключить армянский вопрос из дальнейшего обсуждения с державами Антанты. Во время встречи с Керзоном 18 марта 1922 г. Юсуф Кемаль-бей фарисейски заявил, что «отношения его правительства с правительством Армении—дружественные», что Карсский договор от 13 октября 1921 г., «заключенный между двумя дружественными странами, разрешил принципиальные вопросы между ними, и что все усилия его правительства направлены на устранение вражды между армянами и мусульманами»⁵⁵ (курсив мой,—P. C.). На это Керзон возразил: «армяне на юге были в такой степени напуганы правлением Анкары, что после эвакуации Киликии они тысячами убежали оттуда, и анкарскому правительству не удалось убедить армян в своей дружбе и покровительстве»⁵⁶.

Фактически такой же позиции придерживались государства Антанты. Хотя «вопрос об армянском очаге в Киликии», наряду с вопросом о Фракии и Измире, фигурировал в дальнейших дипломатических контактах представителей Англии и Франции, но судьбы населения Киликии, в частности армян, стали все меньше беспокоить их при обсуждении будущего мира с Турцией⁵⁷. В этом отношении весьма характерно письмо Пуанкаре в ответ на телеграмму Керзона от 30 января 1922 г., касающуюся ближневосточного урегулирования. «Относительно вопроса о Турецкой Армении,—писал Пуанкаре,—я думаю, как и лорд Керзон, что трудно сохранить условия Севра, но я считаю, что решение армянской проблемы не следует искать в Киликии, где, если можно так выразиться, уже нет армян»⁵⁸. Таким образом, создав все условия для вынужденной эмиграции армян из Киликии, глава французского правительства заявлял, что и в Киликии невозможно найти уголок для армян, ибо их там не осталось.

⁵⁰ М. Кемаль. Путь новой Турции. Т. IV, с. 46.

⁵¹ Tarih, cilt IV, s. 105—106; Prof. F. Armaoğlu. Siyasi tarih (1789—1960). Ankara, 1964 s. 643.

⁵² Atatürk..., p. 118.

⁵³ Orient et Occident. T. I. Paris, 1922, p. 58.

⁵⁴ Цит. по: E. Nicol. Les Alliés..., p. 75.

⁵⁵ Documents... Vol. 17. № 556, p. 660—661 (запись беседы Керзона с Юсуф Кемаль-беем 18 марта 1922 г.).

⁵⁶ Там же, с. 661.

⁵⁷ См. там же, № 516, с. 522—593 (Гардинг Керзону, 1 февраля 1922 г.).

⁵⁸ Там же, № 519, с. 601 (Гардинг Керзону, 3 февраля 1922 г.).

В свете приведенных высказываний турецких политических деятелей, как и руководителей держав Антанты, не трудно представить ту тревогу и отчаяние, которые охватили христианское население Киликии. «Ангорское соглашение повергло в печаль 200 тысяч киликийцев... Верховный комиссариат в Сирии и Кэ д'Орсэ ежеминутно получали волнующие протесты, но ничто не могло их смутить»,—писал Пайарес и добавлял, что Франция «осталась глухой к мольбам христиан, внезапно обнаружив, что является мусульманской державой»⁵⁹. В телеграмме, адресованной французскому парламенту от имени армянского национального союза Халеба, говорилось: «Проживающие в Халебе более 20 тысяч армян с ужасом смотрят на предстоящее возвращение турецкого режима в Киликии... Мараш, Хаджин, Зейтун дымят еще. Проученные горьким прошлым, мы считаем турецкие гарантии пустым местом...»⁶⁰ «Не надо скрывать от армянского народа ту горькую истину, что мы, наперекор обещаниям, данным в 1917 г. национальной делегации, покинуты Францией и через два месяца будем сданы нашим чудовищным палачам»,—писала издающаяся в Париже армянская газета «Արձազանք Փարիզի». «Для армян Киликии,—заключала газета,—есть два выбора—изгнание или резня, о чем дают знать даже французские журналисты»⁶¹.

Желая успокоить охваченное паникой христианское население, прежде всего армян и греков, Франклен-Буйон, который сразу же после передачи текста договора Бриану вернулся в Адану⁶², вместе с французским консулом Ляпортом и с согласия турецких властей организовал в ряде городов Киликии собрания представителей различных христианских общин, пытаясь убедить их в действительности обещанных гарантий. То же самое делал генерал Гуро из Бейрута, обратившись к населению Киликии (8 ноября 1921 г.) со следующим призывом: «Объявлена полная амнистия. Права меньшинств установлены на той же основе, что в тех соглашениях подобного рода, которые были заключены в Европе в конце мировой войны. Наиболее существенным является то, что ангорское правительство обязывается обеспечить свободу жизни и защиту имущества всех жителей независимо от их происхождения, национальности, языка или вероисповедания.

Оставайтесь же у своих очагов, на своих полях, своей работе, живите вместе под османской властью, которая торжественно взяла на себя обязательство покровительствовать вам, и будьте уверены, что вам обеспечена полная забота со стороны Франции. Уйти—это значит прибегнуть к авантюре с сомнительным исходом. Остаться—значит сохранить плоды трудов ваших предков и в мирных условиях довести до процветания Киликию, Килис и Айнтаб»⁶³.

28 ноября 1921 г. с совместным призывом к населению Киликии обратились Франклен-Буйон и представитель министерства внутренних дел анкарского правительства Гамид-бей:

«Христиане Киликии,

вам говорят, что амнистия останется без последствий. Это неправильно. Будет провозглашена всеобщая и немедленная амнистия. *Прошлое мертво или забыто*. Пусть никто, абсолютно никто не беспокоится.

Договор обеспечивает *полную свободу* вашей личности, равно как неприкосновенность вашего имущества.

Вам говорят, что согласно закону будет отобрано 40% вашего имущества. Это неправда. Закон об изъятии имущества, который применялся в период Сакарыйского сражения, ныне аннулирован. Он больше не существует...»⁶⁴ (курсив мой,—Р. С.).

⁵⁹ M. Pailla gès. Le Kémalisme..., p. 366—367.

⁶⁰ Полный текст телеграммы (на франц. яз.) см. ЦГИА АрмССР, ф. 430, оп. 1, д. 792, л. 2.

⁶¹ «Արձազանք Փարիզի». 10. 11. 1921, № 15.

⁶² Documents... Vol. 17, № 429, p. 459 (Рамбольд Керзону, 1 ноября 1921 г.).

⁶³ L'Asie Française. Décembre 1921, № 197, p. 482.

⁶⁴ L'Asie Française. Février 1922, № 199, p. 60—61.

Подобные пустые заверения не могли, конечно, внушить доверия христианскому населению Киликии. «Страшное воспоминание о резне 1915 г. было слишком свежо у несчастного армянского населения, чтобы оно могло позволить себе поверить всем этим призывам»,—писал профессор А. Мандельштам⁶⁵. Им было также известно, что в Адане создано тайное общество—«Национальная месть»⁶⁶ (Intikamı milli). Наконец, к предосторожности вело и то обстоятельство, что даже уполномоченные турками Аданы делегаты выразили свой протест против оккупации города кемалистскими войсками. В начале ноября 1921 г. они обратились к генералу Дюфиё с письмом, в котором, в частности, говорилось: «Мы Мустафу Кемаля и кровавых чете знаем лучше вас, и нам известно, что и сейчас они будут совершать те же зверства и те же преступления»⁶⁷.

«Даже турки, принадлежащие к старой партии,—писал Джозеф Берг,—те, которые настороженно смотрели на намерения кемалистов, предупреждали армян не верить обещаниям анкарского правительства»⁶⁸. И прав был видный армянский историк Лео, заключая, что «армяне хоть один раз имели мудрость не поверить международным негодоям, проученные, конечно, тем фактом, что те же кемалисты уничтожили 20 тыс. армян в Киликии...»⁶⁹.

Не обеспечив безопасности армян, греков и других народов Киликии, французские власти вместе с тем пытались помешать их массовой эмиграции. Исполняющий обязанности министра иностранных дел Перетти делла Рокка дал указание «подавить движение беженцев». Как отмечал упомянутый выше М. Пайарес, Франция «опустилась до крайней степени, отказав армянам в разрешении покинуть Киликию, если Америка, Англия и Греция не отправят корабли для того, чтобы собрать эти человеческие обломки. Разъяренный Франклен-Буйон... вместо того, чтобы сожалеть над судьбой армян, обзывал их негодоями»⁷⁰. Только после энергичных телеграфных протестов генерала Дюфиё Верховный комиссариат Франции в Бейруте согласился нанять корабли и принять армянских беженцев в Сирию⁷¹.

В течение декабря 1921 г. большая часть христианского населения Киликии покинула свои родные места, эмигрировав на острова Кипр и Мальта, в Палестину, Сирию и другие страны, причем самыми мучительными были переживания основной массы—армянского населения. 19 декабря последний французский батальон покинул Адану, а на следующий день турки победоносно вошли в город. Из Айнтаба французские войска ушли 25 декабря. «Большинство армян ушло вместе с ними. Остальных заставили бежать решением центральной комиссии (Heyeti Merkeziye)»,—признавал турецкий очевидец⁷².

4 января 1922 г. эвакуация Киликии и прилегающих к ней районов французскими властями была полностью завершена. Согласно данным французского верховного комиссара и разведывательной службы армии Леванта, число эмигрировавших жителей Киликии за период с 1 декабря 1921 г. по 4 января 1922 г. составило 49.951, из них через Мерсинский порт выехало 37.885 человек, в том числе армян—30.305, греков—6.392, сирийцев—1.129, европейцев—59. Через станцию Александретты выехало 12.066 человек, из них около 10.000 армян. Из района Айнтаб—Ки-

⁶⁵ A. Mandelstam. La Société des Nations et les Puissances devant le problème arménien. Paris, 1926, p. 219.

⁶⁶ M. Paillarès. Op. cit., p. 367.

⁶⁷ Там же, с. 369.

⁶⁸ Joseph Burt. The People of Ararat. London, 1926, p. 86—87.

⁶⁹ Լ. Է. Ք. Բորտրանտի ճշգրիտ թվերը գաղափարաբանութեանը. Հ. Բ. Փարիզ, 1935, էջ 232.

⁷⁰ M. Paillarès. Op. cit., p. 367.

⁷¹ Paul du Véou. La passion de la Cilicie..., p. 318—319.

⁷² Mustafa Guzelhan. Aynıtar tarihinde notlar. Gaziyurt matbaası. Gaziantep, 1959, s. 77.

лис в Сирию эмигрировало 4.500 человек, почти все—армяне. По тем же данным к 1 января 1922 г. в Киликии оставался 3.761 христианин (сирийцев 2.660, армян 637, греков 518). В районе Айнтаб—Килис оставалось еще около 5.500 лиц⁷³. Приведенные цифры, однако, не были достоверными и окончательными. Они не включали в себя тысячи людей, которые бежали из Киликии без «официальной» регистрации, тайными путями, а также тех армян, которые вынуждены были покинуть Киликию еще до заключения Анкарского договора. Если учесть, что число армян во французской зоне оккупации к концу 1919 г. составляло более 150.000 и что около 22.000 армян погибло в Мараше, Хаджине, во время боев в Урфе, Айнтабе, Османне, Зейтуне, Фындыджаке, а также учесть эмигрировавших в 1920—1921 гг. армян, то можно считать достоверным, что к моменту подписания Анкарского соглашения в Киликии оставалось более чем 100-тысячное армянское население, которое почти полностью эмигрировало в ноябре—декабре 1921 г. и начале 1922 г.

Так трагически завершилось упование армян на покровительство «рыцарской» Франции. «Все торжественные обещания, данные армянам, были таким образом преданы забвению»,—заклучал французский историк Жан Пишон⁷⁴. «В течение войны,—как бы добавлял к этому М. Пайарес,—мы давали обязательство освободить все угнетенные народы. И это обязательство находило место не только на страницах всех наших газет во главе с «Тан», но и во всех речах наших министров. Но кто помнит об этом сегодня?»⁷⁵ Заслуживает внимания также оценка туркофильской и пагубной для армян политики Франции, данная известным американским юристом доктором Г. А. Гиббонсом. «Во время войны,—писал он в октябре 1921 г.,—одним из тяжелых обвинений, выдвинутых против Германии, была ее дружба и союз с Турцией во время армянских погромов. Германию считали ответственной за погромы на том основании, что она могла положить конец резне, используя свое влияние союзницы. Это верно. Но не является ли истиной и то, что в настоящее время Франция достойна порицания и должна в какой-то степени нести ответственность за резню армян и греков в 1920—1921 гг.? Французские генералы вели переговоры с националистами в Киликии, не выдвигая условия положить конец погромам. Французские дипломаты вели переговоры с возглавлявшим анкарское правительство Кемаль-пашой, глядя сквозь пальцы на резню армян и греков.

В период войны единственной заботой немцев было использовать турок и не допускать риска обидеть их, протестуя против избиений. Точно то же самое делают сейчас французы»⁷⁶.

Изучение истории заключения франко-турецкого договора от 20 октября 1921 г. и критический анализ содержания самого договора в свете новых документальных источников позволяют сделать некоторые выводы и обобщения.

1. Подписание Анкарского договора не было отдельным, локального значения актом французской дипломатии, как это пытались представить в свое время правящие круги Франции, а также многие французские историки, журналисты и др. К нему вела вся предыдущая внешнеполитическая линия правящих кругов: встреча Жоржа Пико с Кемалем в Сивасе в декабре 1919 г., заключение перемирия 30 мая 1920 г., инициативы в пересмотре Севрского договора, подписание соглашения от 9 марта 1921 г. и т. д.

2. Стремление Франции к сепаратной договоренности с Турцией в нарушение своих союзнических обязательств было вызвано следующими основными соображениями: а) максимальное восстановление своих довоенных финансово-экономических, политических и культурных позиций в Турции; б) восстановление своего авторитета

⁷³ Paul du Vélou. *Op. cit.*, p. 430.

⁷⁴ Jean Pichon. *Le partage du Proche Orient*. Paris, 1938, p. 244.

⁷⁵ M. Paillarès. *Op. cit.*, p. 335.

⁷⁶ Цит. по: George Horton. *The Blight of Asia*. Indianapolis—Kansas City—New York, 1953, p. 192. См. также Laurence Evans. *United States Policy and Partition of Turkey*. Baltimore, 1965, p. 258—260.

